

Научная статья
УДК 008+316.722
DOI 10.52070/2542-2197_2023_4_872_154

Культурная идентичность иракских курдов: методологические подходы к изучению

И. В. Малыгина¹, Т. П. Некрасова²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹irinamalygina@yandex.ru, ²nekir08@mail.ru

Аннотация: В статье предпринята попытка описать культурные особенности идентичности иракских курдов и предложить методологию исследования этого феномена. Авторы подчеркивают доминирующую роль этнических элит в консолидации иракских курдов на протяжении последних столетий, определяют эвристический потенциал и методологические ограничения конструктивизма и инструментализма в изучении идентичности народа. Обоснование сложной структуры идентичности иракских курдов, обусловленной наложением племенной / клановой, этнической и национальной идентичности, требует обращения к методологии примордиализма.

Ключевые слова: идентичность, этнокультурная идентичность, курды, Иракский Курдистан, Ближний Восток, конструктивизм, инструментализм, примордиализм

Для цитирования: Малыгина И. В. Некрасова Т. П. Культурная идентичность иракских курдов: методологические подходы к изучению // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 4 (872). С. 154–162. DOI 10.52070/2542-2197_2023_4_872_154

Original article

The Cultural Identity of the Iraqi Kurds: Methodological Approaches to the Study

Irina V. Malygina¹, Tatiana P. Nekrasova²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia,

¹irinamalygina@yandex.ru, ²nekir08@mail.ru

Abstract: The article is devoted to identifying the cultural foundations of Iraqi Kurdish identity and justifying the methodology for studying this phenomenon. The authors emphasize the dominant role of ethnic elites in the consolidation of Iraqi Kurds over the past hundred years, justifying the heuristic potential and methodological limitations of constructivism and instrumentalism in the study of people's identity. The justification of the complex structure of Iraqi Kurdish identity, due to the layering of tribal / clan, ethnic and national identities, also requires an appeal to primordialist methodology.

Keywords: Identity, ethno-cultural identity, the Kurds, Iraqi Kurdistan, the Middle East, constructivism, instrumentalism, primordialism

For citation: Malygina, I. V., Nekrasova, T. P. (2023). The cultural identity of the Iraqi Kurds: methodological approaches to the study. Vestnik of the Moscow State Linguistic University. Humanities, 4(872), 154–162. DOI 10.52070/2542-2197_2023_4_872_154

ВВЕДЕНИЕ

Курды – один из древнейших народов, компактно проживающих на Ближнем Востоке, и на сегодняшний день – самый большой этнос, не имеющий собственного государства [Дюрре, 2019].

Падение Османской империи и переформатирование геополитического пространства Ближнего и Среднего Востока, установление границ современных государств, образовавшихся в результате колониального передела имперских территорий после поражения Турции в Первой мировой войне, послужили толчком к новому этапу социокультурной динамики во всем регионе, который ознаменовался кризисом самоопределения населяющих его народов.

Наряду с причинами геополитического характера, проблема сохранения этнокультурной идентичности стала одним из факторов повышенной конфликтогенности в Ближневосточном регионе, до сих пор не исчерпав ресурс собственного воспроизводства.

Эти процессы в полной мере затронули курдов, которые исторически проживали на территории Османской империи и Персии. Это был первый значительный акт в истории разделения курдского народа, получившей свое продолжение в XX веке. Падение Османской империи не привело к воссоединению народа: в результате геополитических трансформаций, ставших следствием Лозаннского мирного договора 1923 года, один из самых многочисленных народов, населяющих регион не только не получил возможности объединения, но был разобщен и интегрирован в политическое и социокультурное пространство теперь уже четырех государств: Турции, Ирана, Сирии и Ирака, ориентированных на культурную ассимиляцию, арабизацию, тюркизацию курдов. Истекшие сто лет показали, что курды не смирились ни с положением разделенного народа, ни с формальным положением этнического меньшинства, демонстрируя устойчивое стремление к консолидации и созданию единого независимого национального государства.

Как отмечает М. Э. И. Дюрре, самоорганизация и политическая активность курдского населения «становятся важным элементом развития четырех государств Ближнего и Среднего Востока (Сирия, Ирак, Турция, Иран). Несмотря на внутренние противоречия <...> национальное самоопределение курдов приобрело собственную динамику, и этот процесс, вероятно, нельзя будет остановить» [Дюрре, 2019, с. 15].

Очевидно, что стремление к образованию независимого национального государства сегодня является важнейшим маркером курдской

идентичности, культурного и ментального единства разделенного народа. Это стремление приобретало в постосманский период тем более радикальные формы проявления, чем агрессивнее становились попытки культурной ассимиляции курдов и дискуссии о сохранении государственной целостности государств Ближнего и Среднего Востока как внутри региона, так и за его пределами.

«Курдский вопрос» сложившийся на пересечении идентификационных стратегий и внутренних противоречий развития этноса, региональных и внешних геополитических интересов и конфликтов, характеризуется рядом прецедентных казусов, позволяющих говорить об уникальном опыте этнокультурного самоопределения курдов. Самый очевидный из них – манифестация этносом, не являющимся государствообразующим, зрелой национальной идентичности при отсутствии национального государства.

На сегодняшний день данная тенденция в наибольшей степени характеризует иракских курдов, чем и обусловлен выбор объекта данной статьи как наиболее репрезентативного в контексте дискурса курдской идентичности.

Что касается остальных курдских анклавов региона, то мы исходим из того, что национальная идентичность курдов Ирана, Турции и Сирии формируется в ином политическом и социокультурном контексте, находится под влиянием политических элит своих государств, а потому нуждается в отдельном исследовании. При этом учитывается то, что «...большинство курдов региона настроены, как минимум, на тесное и мирное сотрудничество со своими собратьями, а как максимум, на построение единого Курдистана, объединяющего всех курдов. Однако политика соседних государств часто провоцировала и продолжает провоцировать враждебные настроения между отдельными сообществами курдов» [Хавлла Хошави, 2017, с. 100].

ИДЕНТИЧНОСТЬ ИРАКСКИХ КУРДОВ: КОНСТРУКТ ИЛИ СУДЬБА?

Исследования этнокультурной идентичности нередко осложнены многозначностью термина и методологическими противоречиями в интерпретации сущности данного феномена. Мы используем понятие «этнокультурная идентичность» как компромиссное для обозначения идентичности народа, сохраняющего представления о своем единстве в силу устойчивости культурного ядра, поддерживающегося на разных этапах этногенеза: *родовой / племенной* (основанной, преимущественно, на отношениях родства), но при этом обладающего определенным этнокультурным ресурсом,

этнической и национальной [Малыгина, 2015]. Этнокультурная идентичность – сложный социально-психологический феномен, сущность которого может быть раскрыта только в контексте междисциплинарного подхода, позволяющего учесть взаимосвязь и взаимозависимость трех компонентов:

1) *осознание* индивидом своей принадлежности определенному этносоциальному образованию на основе общей культуры, характерной для той или иной стадии его исторической динамики и *осознание* народом своей целостности по основанию культурного единства;

2) глубинное эмоциональное, почти сакральное переживание этого единства;

3) *культурообусловленные практики*, с помощью которых представители племени / этноса / нации манифестируют свое единство и культурную общность – этногенетическая мифология, религиозные практики, язык, символы, обычаи, ритуалы, обладающие конвенциональными смыслами для данного сообщества, а на стадии формирования современных национальных государств – политическая, экономическая, правовая, образовательная системы и т. д.

Стремление к научному обоснованию сложной природы идентичности обусловило появление различных научных подходов, как узкодисциплинарных, так и универсальных, обладающих значительным эвристическим потенциалом и получивших широкое применение в социально-гуманитарных исследованиях. К числу междисциплинарных методологических подходов традиционно относят две принципиально отличающиеся объяснительные модели: примордиализм, сформировавшийся в рамках отечественной этнологии, и конструктивизм (и инструментализм как его «частный случай»), основные положения которого были сформулированы западными исследователями. Поскольку в рамках данных научных подходов генезис этнокультурных явлений и процессов получили взаимоисключающее обоснование, то всякий раз исследователь оказывается перед необходимостью выбора одной из полярных позиций.

Так, в рамках теории этноса, в ее «оригинальной» отечественной версии и зарубежных модификациях, постулируется онтологичность и историчность этнонациональных образований, преемственная связь их исторических типов (племя – народность – нация / род – этнос – нация), обеспечиваемая наличием определенного культурного инварианта – устойчивого культурного ядра, на основе которого формируется самосознание народа. Как результат, теорию этноса отличает диахронное видение этнического феномена, не ограничиваемое никакими

историческими рамками: племя – этнос – нация это лишь разные исторические стадии одного и того же этносоциального образования.

В рамках конструктивизма этносу и нации как объективным историко-культурным реальностям противопоставляется субъективность и ситуативность этничности (этнокультурной идентичности), которая «предшествует» этнонациональному образованию и «конструирует» его в формах научных, идеологических и политических концептов, лишенных каких-либо онтологических оснований. В этом смысле известная метафора «воображаемые сообщества» [Андерсон, 2016, с. 10] применительно к современной нации максимально точно передает суть конструктивистского подхода. Историчности и преемственности этнических феноменов, постулируемых примордиализмом, конструктивизм противопоставляет исключительную ситуативность групповой солидарности и манифестации этнического / национального единства, обусловленных не столько объективными культурными признаками, сколько целями и интересами этнонациональных сообществ, а точнее – их элит. Таким образом в рамках конструктивизма этносам и нациям, по сути, отказывается в онтологической определенности и исторической континуальности.

Что касается инструментализма как частного случая конструктивистской методологии, представляющего особый интерес в рамках исследования идентичности иракских курдов, то в контексте данной методологии этнос и этничность предстают как ситуативная реакция этнокультурного сообщества на определенные обстоятельства и события; как результат мобилизационной деятельности этнонациональных элит (политических или военных) как правило на фоне межэтнических конфликтов; как своеобразный ресурс или *инструмент* для получения социальных, политических и экономических предпочтений [Малыгина, 2018].

В соответствии с приверженностью исследователя одному из методологических подходов к трактовке природы этнических явлений и процессов решается, как правило, и проблема этнокультурной идентичности.

Поскольку весь постосманский период истории отмечен борьбой политических элит Иракского Курдистана за признание прав на культурный, политический и экономический суверенитет, а «национальная идея» независимого существования «опережает», предшествует образованию реально-го суверенного государства (которому история может и не дать шансов на рождение) – велик соблазн в интерпретации особенностей самоопределения и самопрезентации народа применить объяснительную модель конструктивизма / инструментализма.

Между тем ответ на вопрос о сложной природе курдской идентичности, формировавшейся в контексте длительной истории народа, «удерживающего» свою идентичность вопреки почти неограниченным возможностям современных национальных государств, международных политических альянсов и глобальных медиа в переформатировании коллективных представлений, требует выхода за рамки традиционной методологической ограниченности и обращения к возможностям взаимодополнительности исследовательских парадигм [Малыгина, 2015].

Важно отметить, что сегодня национально-государственные амбиции иракских курдов имеют под собой реальные основания – факторы политического, экономического, социокультурного и ментального уровней, формирующие в коллективных представлениях народа матрицу параметров самоопределения.

Сегодняшняя консолидированность иракских курдов во многом явилась результатом усилий этнических элит в 20-е годы XX века, ставших ответом на «историческую несправедливость» – игнорирование курдского фактора при определении границ новых государств Ближневосточного региона. Спровоцированный Лозаннским мирным договором «курдский вопрос» и сепаратистские тенденции стали неотъемлемой частью региональной повестки на многие десятилетия.

Наиболее активный и бескомпромиссный период борьбы за независимость в Иракском Курдистане пришелся на 60–70-е годы XX века. Его по праву связывают с именем и деятельностью муллы Мустафы Барзани, политического и военного лидера иракских курдов, основателя одной из влиятельных политических сил государства – Демократической партии Курдистана. Подъем курдского национального движения во главе с Мустафой Барзани, политическая риторика единства и независимости привели к укоренению в сознании иракских курдов идеи безальтернативности суверенного развития, к значительному укреплению этнокультурной идентичности и накоплению политического потенциала, на фундаменте которого Иракский Курдистан впоследствии добился автономии в составе Республики Ирак.

Совершенно очевидно, что обретение автономии стало результатом многих внутрирегиональных и внешнерегиональных факторов, в том числе непоследовательной политики Саддама Хусейна в отношении курдов и их устремлений. Однако в данном случае для нас важно подчеркнуть фактор политических элит в формировании идентичности иракских курдов на этом этапе, ее мобилизационный, конструируемый характер.

Важно добавить в этой связи, что М. Барзани стал значимым символом «национальной идеи», образом идентичности, прочно закрепившимся в коллективном сознании и социальной мифологии современного Иракского Курдистана [شێخ عەبدول وەحید, 2019]. Прежде всего потому, что сегодня коллективная идентичность иракских курдов во многом обеспечивается прецедентом конституционально закрепленной политической автономии с широкими полномочиями, которыми в 2005 году был наделен Курдский автономный район (КАР) в составе федеративного Ирака.

Эта очевидная победа курдских элит, основы которой заложил М. Барзани, сопровождалась утверждением государственного статуса курдского языка наряду с арабским, а также закреплением неотъемлемых атрибутов и символов национального государства: «иракские курды добились беспрецедентных для себя, да и для других национальных меньшинств, прав и свобод: у них есть свои флаг, гимн, свод региональных законов, парламент, президент, правительство, судебные органы, вооруженные силы, полиция, спецслужбы, право на внешнеполитическую и внешнеэкономическую деятельность, на местные налоги и таможенные сборы» [Иванов, 2011, с. 85].

Политические условия стали основой для формирования автономной экономической системы в Иракском Курдистане и ее интеграции в глобальную экономику. Этот процесс также был непростым, поскольку на сырьевые ресурсы Курдистана претендовали многие мировые игроки, без договоренностей с которыми доступ на мировой рынок, а также к инвестициям и технологиям был невозможен. И все-таки богатые нефтяные ресурсы (одно из крупнейших в мире нефтегазовых месторождений расположено в иракском городе Киркук) и фактически неподконтрольный иракскому правительству экспорт нефти обеспечили поступательный рост экономической независимости курдов [Дюрре, 2019].

Современное государство немыслимо без боеспособной армии, обеспечивающей гарантии сохранности государства. Безопасность и независимость Иракского Курдистана защищают военизированные подразделения пешмерга, задачи кратного повышения численности и уровня подготовки.

Еще одним важным государственным институтом, отвечающим за формирование и воспроизводство идентичности является национально ориентированная образовательная система. Образование – это пространство репрезентации культурных достижений нации, эффективный инструмент формирования единого пространства национальной

культуры, конструирования национальной идентичности. Несмотря на то, что сейчас в Иракском Курдистане система образования – эклектичная система, включающая национальные и зарубежные учебные заведения, значительным достижением, ставшим возможным в условиях автономии, является образование на курдском языке наряду с арабским.

Признавая значимость институциональных факторов, конституирующих координаты самоопределения и самопрезентации иракских курдов, не менее важным нам представляются культурные и ментальные основания курдской идентичности – высокая степень культурной самобытности и этнического самосознания курдов, а также консолидированный социальный запрос на объединение разделенного народа и образование суверенного Курдистана.

Подтверждением данных интенций могут служить убедительные итоги плебисцита, состоявшегося в Ираке 25 сентября 2017 года по вопросу об отделении Южного Курдистана от Ирака [Ахмедов, 2021]. Несмотря на то, что проведение референдума преследовало, скорее, мобилизационные цели и не завершилось желаемым результатом, игнорировать данный факт – значит недооценивать глубинные причины современных этнонациональных процессов, лежащие, в частности, в плоскости этнокультурной идентичности. Поскольку именно фактор идентичности зачастую рассматривается как «объяснительный принцип» конфликтов и столкновений в современном мире, подобное упущение чревато превращением латентных очагов напряжения в регионе в открытый конфликт, способный, по оценкам специалистов, выйти за пределы региона [Чернобров, 2013].

В этой связи в процессе исследования курдской идентичности необходимо учитывать некоторые положения примордиализма, для которого принципиальным является обоснование «родственной парадигмы» [Малыгина, 2018] в исторической динамике народа, обеспечивающей не только актуальное, но и континуальное единство этноса, преемственность его культуры, сакральность «крови и почвы», культурную память и глубинные эмоциональные переживания событий общей истории – как триумфальных, так и пораженческих.

Этногенез курдов неочевиден. Как пишет З. А. Юсупова в предисловии к статье В. Ф. Минорского: «В 1983 г., на XX Международном конгрессе ориенталистов в Брюсселе В. Ф. Минорским была выдвинута концепция мидийского (т. е. иранского) происхождения курдов в противовес гипотезе их автохтонного происхождения, предложенной в свое время акад. Н. Я. Марром» [Минорский, 2013, с. 206].

Сторонники иранской версии полагают, что курдские племена пришли на территорию их современного проживания за 2 тыс. лет до н. э. и обосновались на территории Вавилона и в горах Загрос, завершив на этом кочевой период своей истории [Никитин, 1964]. При этом есть основания полагать, что впервые курды появились именно в Ираке, а точнее на территории современного города Киркук [Лазарев, 2012], поэтому и сегодня этот город является одним из сакральных образов курдской идентичности и эмоционально воспринимается как «колыбель курдского народа» [там же, с. 45].

Территориальная локализация и природный ландшафт согласно методологии примордиализма играют важную роль в формировании культуры и самосознания этноса [Бромлей, 2020]. Для курдов эти факторы также имели определяющее значение и обусловили своеобразное преломление родственной парадигмы через племенной и клановый принципы консолидации курдов: «проживание в горах способствовало клановости курдского сообщества. Территорию, относимую сегодня к этническому Курдистану, заселяли курдские племена, объединенные в несколько ведущих кланов» [Хавлла Хошави, 2017, с. 100].

Фактор клановой консолидации курдских племен, до сих пор сохраняющийся и оказывающий влияние на этнокультурные процессы, играет не столько консолидирующую, сколько дифференцирующую роль в курдском сообществе, обеспечивая определенный уровень внутриа этнического культурного разнообразия, проявляющегося в особенностях речи, паттернах поведения, элементах материально-бытовой культуры: «Как правило, представители клана говорят на одном языковом диалекте, признают власть знатных вождей..., ассоциирует себя с определенной территорией, на которой проживали их предки» [там же].

Этноконсолидирующая функция в сообществе иракских курдов во многом является прерогативой религии – важнейшего этнического признака, наиболее строгого с точки зрения демаркации «своих» и «чужих». В Иракском Курдистане подавляющее большинство населения исповедует ислам суннитского толка шафиитского мазхаба, причем является достаточно религиозным. При этом иракские курды веротерпимы, в регионе бесконфликтно проживают представители различных конфессий. Важная культурная особенность курдов – отсутствие религиозного фанатизма, что для данного региона является, скорее, исключением, чем нормой [Мирзоев, 2016].

Влияние ислама на культуру курдов обнаруживает себя не только в архитектуре, языке,

традициях и праздниках, но также в сохранении коллективистского типа общества, сохранении его патриархального устройства при соблюдении всех гражданских прав и свобод женщин. Курдская женщина может быть главой семьи, клана, участвовать в политике, экономической и общественной деятельности [Никитин, 1964]. Коллективизм и исламское понятие уммы во многом определяет социальное устройство общества. И сегодня значительную роль в обществе Иракского Курдистана играют племена, принадлежность к которым определяют место человека в социальной иерархии.

Наряду с исламом курды исповедуют и другие религии, прежде всего – езидизм, которого в Иракском Курдистане придерживается незначительная этноконфессиональная группа езидов. Религиозная доктрина езидизма изложена особым шрифтом в двух священных книгах «Джилва» и «Масхафе Рэш» [Омархали, 2004]. Езидизм представляет собой замкнутую синкретическую религию, приверженцы которой используют самоидентификатор «эзда» [Мирзоев, 2016]. К сегодняшнему дню не сложилось единого мнения относительно генетических корней езидов: являются ли они самостоятельным этносом или это субэтнос курдов, отличающийся преимущественно религиозным мировоззрением [Лях, 2020]. По мнению некоторых исследователей, истоки езидизма восходят к раннему «народному» зороастризму и комплексу древнейших индоиранских представлений, близких к индоарийским [Омархали, 2004]. В основе езидизма – культ солнца, огня. Поклонение эзда солнцу и огню дает основание представителям других конфессий воспринимать их как язычников, огнепоклонников, дьяволопоклонников [Базиленко, 2017], что, безусловно, увеличивает социальную дистанцию между разными группами этноса и создает латентное напряжение. Сами езиды связывают свою веру с древней доисламской религией, а себя позиционируют приверженцами монотеистического вероисповедания, унаследованного от предков.

Религиозные различия, существующие в общине иракских курдов, отчасти «снимаются» в культурных практиках, например в праздничной культуре, что позволяет избежать серьезных внутриэтнических конфликтов на религиозной почве. Известный на весь мир праздник Навруз (Новый год) является неотъемлемым элементом традиционной культуры и курдов-мусульман, и курдов-езидов. Как у многих народов Востока, новый год у курдов начинается 21 марта, в день весеннего равноденствия [Жигалина, 2008]. Наврузу предшествуют менее значительные традиционные праздники – Хыдыр-Наби [Мирзоев, 2016] и Эйде серсале – курдский Навруз, который празднуют

только езиды. Курдский Навруз сопровождается разжиганием огня и танцами вокруг большого костра. Как правило, исполняется народный танец-хоровод – Гованд (Говенд).

Таким образом и кланово-племенная социальная организация, и религиозные конфессии реализуют как этноконсолидирующую функцию, так и демонстрируют видимые внутриэтнические различия, затрудняющие достижение культурного единства, стимулирующие центробежные тенденции внутри курдского сообщества.

Важнейший культурный признак, демонстрирующий целостность культуры курдов – курдский язык и его диалекты сорани и курманджи. Как заметил в свое время В. Ф. Минорский: «Главным и поразительным фактом древнего единства курдов является их язык» [Минорский, 2013, с. 209].

Поэтому таким важным достижением курдской автономии стало закрепление в Конституции Ирака 2005 года статуса курдского языка (с его диалектами) как официального языка КАР и второго государственного языка Республики Ирак [Акопов, 2020]. На курдском языке, преимущественно на диалекте сорани, в КАР говорит практически всё население, ведется делопроизводство, издаются книги, функционируют СМИ. Курдский язык смог сохранить свою относительную чистоту, несмотря на влияние других региональных языков – арабского, персидского, а также английского, французского. Поэтому сохранилось и значительное количество относительно ранних текстов, литературных произведений Средних веков, которые также способствовали консолидации народа и формированию национальной идентичности.

Благодаря одному из величайших курдских поэтов Нали диалект сорани стал литературным языком Иракского Курдистана, а также основным диалектом курдского языка в КАР и в Иранском Курдистане [Мирзоев, 2016].

Литературные произведения Нали способствовали возрождению курдского языка. Его самые известные произведения были написаны на диалекте нижнего курманджи и сорани на фоне османской политики по ассимиляции курдов. Это стало настоящим вызовом правящей элите Османской империи, способом консолидации общества и манифестации курдской идентичности [там же].

Акцентируя роль языка как идентификационного основания М. Х. Хавлла Хошави пишет: «Целостность и единство курдского языка по фонетическим и грамматическим признакам является одним из веских научных аргументов, подтверждающих монолитность курдской нации и укрепляющих национальную идентичность курдов» [Хавлла Хошави, 2017, с. 101]

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Культурная идентичность иракских курдов представляет собой сложный социально-психологический феномен, исследование которого предполагает выход за пределы эвристических возможностей одного из традиционных методологических подходов к интерпретации этнонациональных явлений и процессов – примордиализма или конструктивизма / инструментализма. В данном исследовании использован ресурс взаимодополнительности этих познавательных парадигм, позволивший учесть как исторические аспекты формирования, так и актуальный контекст конструирования идентичности иракских курдов, связанный с мобилизационными усилиями национальных элит.

Курды – один из иранских народов, унаследовавших элементы персидской культуры, которые до сих пор сохраняются на уровне праздничной культуры, обычаев, языка и т. д. Однако геополитические потрясения, исторические травмы, полиэтничность региона, его культурное разнообразие, обусловленное переплетением культурных и конфессиональных традиций арабов, евреев, ассирийцев и других народов, не могли не оказать влияние на культуру курдов, сформировав ее уникальную архитектуру. Несмотря на клановость, диалектное, культурное и конфессиональное разнообразие в сознании иракских курдов их культура переживается как коллективное достояние, общая граница между «своими» и «чужими».

Ментальное и культурное единство народа, запрос на объединение в составе единого суверенного Курдистана, казус сформированности и активной манифестации курдами Ирака национальной идентичности в отсутствие национального государства – результат исторического «наложения» и взаимодополнительности причин, лежащих в основе консолидации курдов на разных этапах развития этноса. Культурно обусловленные практики репрезентации идентичности иракских курдов (праздники, литературные тексты, официальная символика и т. д.) позволяют зафиксировать одновременное органичное существование народа в ценностном и культурно-символическом пространстве своего племени и клана, этноса / субэтноса и условной нации.

Показательным примером может служить официальная символика – флаг и гимн Курдского автономного района Республики Ирак как важнейшие из актуальных образов, маркеров и способов репрезентации идентичности.

Флаг, появившийся в 1920-е годы как неофициальный символ национально-освободительной борьбы, легитимированный в 1992 году, сохранил свою первоначальную иконическую и цветовую символику и семантику: «Красный цвет символизирует кровь курдских мучеников в длительной борьбе за курдскую свободу и достоинство, зеленый – красоту ландшафтов и пейзажей Курдистана, белый – мир и равенство, желтый – начало жизни и свет для людей»¹. Иконический знак солнца, размещенный в центре флага, отсылает, как мы отмечали выше, к древним, доисламским символам культуры курдов, а количество лучей указывает на сакральный смысл числа 21 в древних религиозных представлениях и культах народа.

Смысловые и выразительные средства гимна иракских курдов как художественная форма репрезентации идентичности (ئێهێ ڕەقیب или *Эй, враг!*) также символичны, содержат мобилизационный, консолидирующий посыл.

Таким образом, взаимодополняемость исследовательских парадигм позволяет объяснить сложную структуру идентичности иракских курдов, одновременно включающую культурные основания консолидации на племенном / клановом, этническом и национальном уровнях, рациональные устремления в будущее в рамках единого независимого Курдистана и сакральные переживания, эмоциональную связь на уровне «крови и почвы», религиозных практик и языка. Продуктивность данной методологии позволяет не только объяснить сложность оснований самоопределения иракских курдов на современном этапе развития народа, но и учесть возможности и риски развития Иракского Курдистана в контексте общей социокультурной динамики региона, обусловленные этноментальным опытом народа, высоким уровнем его консолидации и идентичности, вопреки постоянному воздействию внешних сил и попыток культурной ассимиляции.

¹ URL: <https://cihanekurdistan.livejournal.com/22380.html>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дюрре М. Э. И. Курдский вопрос в современных реалиях Ближнего Востока // Россия и мир: развитие цивилизаций. Трансформация политических ландшафтов за период 1999–2019 гг. : материалы IX Международной научно-практической конференции ; в 2 ч. 2019. С. 64–67.
2. Хавлла Хошави М. Х. Южный Курдистан: факторы, влияющие на национальное самосознание иракских курдов // Вестник РУДН. Серия: СОЦИОЛОГИЯ. 2017. Т. 17. № 1. С. 96–105.

3. Малыгина И. В. Методологические дискурсы этнокультурной идентичности: ресурс взаимодополнительности // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 5. Том I (Гуманитарные науки). С. 217–223.
4. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева, вступ. ст. С. П. Баньковской. М.: Кучково поле, 2016.
5. Малыгина И. В. Идентичность в философской, социальной и культурной антропологии: учебное пособие. 3-е изд. М.: Согласие, 2018.
6. ههولێر — شێخ عەبدول وەحی / نیشتمانی کورد. شێخ عەبدول وەحی : Fêrbûn, 2019. – ١٣٤. (In Kurd.) = Sheyh Abdalla Wasi. Kurdish nation. 2019. Knowledge. Erbil.
7. Иванов С. М. Иракский Курдистан на современном этапе (1991–2011 гг.). М.: ИМЭМО РАН, 2011.
8. Ахмедов Т. А. Референдум о независимости Южного (Иракского) Курдистана в 2017 г.: истоки, ход, итоги и последствия. Вестник Томского государственного университета. 2021. № 465. С. 58–65.
9. Чернобров Д. В. Идентичность в современном международном конфликте: периодизация истории конфликтов через призму «другого» // Вестник МГИМО-У. 2013. Вып. 3 (30). С. 86–91.
10. Минорский В. Ф. Курды – потомки мидян / предисл. и комм. З. А. Юсуповой // Письменные памятники Востока. 2013. № 3. С. 206–208.
11. Никитин В. Курды / пер. с фр. И. О. Фаризова. М.: Прогресс, 1964.
12. Лазарев М. С. Лазаревские чтения / отв. ред. О. И. Жигалина. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. Вып. 1. С. 26–112.
13. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: URSS, 2020.
14. Омархали Х. Езидизм древнейшая религия курдов. 2004. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ezidizm-drevneyshaya-religiya-kurdov/viewer>
15. Лях Е. Е. Проблемы культурной самоидентификации езидов в современной России. Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 4 (23). С. 180–188.
16. Базиленко И. В. Езидизм. Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ezidizm>
17. Жигалина О. И. О некоторых курдских народных праздниках и обрядах М.: Институт востоковедения РАН, 2008. С. 26 – 112. URL: <https://eziin.org/stati?artid=8845>
18. Мирзоев Н. К. Курды. История и современность. КазНПУ: им. Абая, 2016.
19. Акопов Л. В., Алдаллал А. Современная конституционная модель Республики Ирак: аксиологический аспект. Проблемы конституционного, международного и административного права. Северо-Кавказский юридический вестник. 2020. № 1. С. 70–73.

REFERENCES

1. Dyurre, M. E. I. (2019). Kurdskiy vopros v sovremennyy`x realiyyax Blizhnego Vostoka = The Kurdish question in the modern realities of the Middle East. In Rossiya i mir: razvitie civilizacij. Transformaciya politicheskix landshaftov za period 1999–2019 gody` (pp. 64–67): Materials of the IX International Scientific and Practical Conference: in 2 parts. (In Russ.)
2. Xavlla Xoshavi, M. X. (2015). Kurdistan: faktory`, vliyayushhie na nacional`noe samosoznanie irakskix kurdov = South Kurdistan: factors affecting the national identity of Iraqi Kurds. RUDN Bulletin. Series: SOCIOLOGY, 17(1), 96–105. (In Russ.)
3. Malygina, I. V. (2015) Metodologicheskie diskursy` e`tnokul`turnoj identichnosti: resurs vzaimodopolnitel`nosti = Methodological discourses of ethnocultural identity: a resource of complementarity. Yaroslavl Pedagogical Bulletin, 5(1), 217–223. (In Russ.)
4. Anderson, B. (2016). Imagined communities. Reflections on the origins and spread of nationalism. Moscow: Kuchkovo Pole. (In Russ.)
5. Malygina, I. V. (2018). Identichnost` v filosofskoj, social`noj i kul`turnoj antropologii = Identity in philosophical, social and cultural anthropology: textbook. Moscow: Soqlasie. (In Russ.)
6. ههولێر — شێخ عەبدول وەحی / نیشتمانی کورد. شێخ عەبدول وەحی : Fêrbûn. (In Kurd.) = Sheyh Abdalla Wasi (2019). Kurdish nation. Knowledge. Erbil.
7. Ivanov, S. (2011). Irakskii Kurdistan na sovremennom e`tape (1991–2011 gg.) = Iraqi Kurdistan at the present stage (1991–2011). Moscow: IME`MO RAN. (In Russ.)
8. Akhmedov, T. A. (2021). Referendum o nezavisimosti Yuzhnogo (Irakskogo) Kurdistan v 2017 g.: istoki, hod, itogi i posledstviya = The referendum on the independence of Southern (Iraqi) Kurdistan in 2017: origins, course, results and consequences. Bulletin of Tomsk State University, 465, 58–65. (In Russ.)
9. Chernobrov, D. V. (2013) Identichnost` v sovremennom mezhdunarodnom konflikte: periodizaciya istorii konfliktov cherez prizmu «drugogo» = Identity in modern international conflict: periodization of the history of conflicts through the prism of the “other”. Bulletin of MGIMO-U, 3(30), 86–91. (In Russ.)

10. Minorskij, V. F. (2013). Kurdy` – potomki midyan. Publikaciya, predislovie i kommentarii Z. A. Yusupovoj = Kurds – descendants of the Medes. Publication, preface and comments by Z. A. Yusupova. Pis`menny`e pamyatniki Vostoka, 3, 206–208. (In Russ.)
11. Nikitin, V. (1964). Kurdy` = Kurds. Translated from the French by I. Farizov. Moscow: Progress Publishing House. (In Russ.)
12. Lazarev, M. S. (2012). Lazarevskie chteniya = Lazarev readings (issue 1). Ed. by O. I. Zhigalina. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS. (In Russ.)
13. Bromlej, Yu. V. (2020). Ocherki teorii e`tnosa = Essays on the theory of ethnos. Moscow: URSS. (In Russ.)
14. Omarkhali, X. (2004). Ezidizm drevnejshaya religii kurdov = Yezidism is the oldest religion of the Kurds. 2004. <https://cyberleninka.ru/article/n/ezidizm-drevnejshaya-religiya-kurdov/viewer> (In Russ.).
15. Lyax, E. E. (2020) Problemy` kul`turnoj samoidentifikacii ezidov v sovremennoj Rossii = Problems of cultural self-identification of Yezidis in modern Russia. (In Russ.)
16. Bazilenko, I. V. (2017). Ezidizm. Trudy` kafedry` bogosloviya Sankt-Peterburgskoj Duxovnoj Akademii. = Yezidism. Proceedings of the Theology Department of the St. Petersburg Theological Academy. <https://cyberleninka.ru/article/n/ezidizm> (In Russ.).
17. Zhigalina, O. I. (2008) O Nekotory`x kurdschix narodny`x prazdnikax i obryadax = About some Kurdish folk festivals and rituals. <https://eziin.org/stati?artid=8845> (In Russ.).
18. Mirzoev, N. K. (2016). Kurdy`. Istoriya i sovremennost` = Kurds. History and modernity. (In Russ.)
19. Akopov, L. V., Aldallal, A. (2020). Modern constitutional model of the Republic of Iraq: axiological aspect. Problems of constitutional, international and administrative law. North Caucasian Legal Bulletin, 1, 70–73. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Малыгина Ирина Викторовна

доктор философских наук, профессор
заведующий кафедрой мировой культуры Института гуманитарных и прикладных наук
Московского государственного лингвистического университета

Некрасова Татьяна Петровна

аспирант кафедры мировой культуры Института гуманитарных и прикладных наук
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS:

Malygina Irina Victorovna

Doctor of Philosophy (Dr.habil.), Professor, Head of the Department of World Culture
Institute of Humanitarian and Applied Sciences, Moscow State Linguistic University

Nekrasova Tatiana Petrovna

PhD Student of the Department of World Culture, Institute of Humanitarian and Applied Sciences
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

28.12.2022
10.02.2023
01.03.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication